

УДК 811.112.2 + 811.161.1

И. А. Голованова

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: irina.golovanova@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ПАРАЛИНГВИЗМОВ В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье представлены результаты контекстного и лексико-грамматического анализа репрезентантов паралингвизмов, используемых авторами в описании невербального поведения персонажей. Исследование выполнено в сопоставительном аспекте на примере детективных и фантазийных романов современных русских и немецких авторов.

Ключевые слова: невербальное поведение, кинема, паралингвизм, сопоставительный анализ, лингвокультурология, межкультурная коммуникация.

Невербальное поведение (НП) представителей конкретной лингвокультуры рассматривается нами как знаковая система, имеющая особые черты и четкие закономерности фиксации в художественном дискурсе, а потому выявление единиц данной системы и анализ способов ее репрезентации имеют важное значение в определении приоритетов национального НП в целом. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, указывая на важность овладения «не столько национальным соматическим языком, сколько вербальными способами выражения и отражения этого языка» [Верещагин, Костомаров, 2005. С. 416], объясняют это тем, что, во-первых, «соматические речения все чаще не отражают, а фактически замещают соматизмы», а во-вторых, «соматические речения играют большую роль в тех стилях и жанрах вербальной речи, для которых существенно создание образа и в которых передается, наряду с рационально-прагматической, эмоционально-эстетическая информация» [Там же]. Особенность всех паралингвистических средств состоит в том, что они, хотя и не входят в систему естественного языка, в значительной мере организуют и определяют коммуникативный акт. В проанализированных нами художественных произведениях Б. Акунина, Е. Дворецкой, В. Камша, А. Пехова, К. Н. Berger, N. Blazon, M. Felten и M. Heitz описания па-

ралингвизмов присутствуют как в авторских ремарках, так и в диалогических репликах, и, наряду с обозначениями кинесических элементов, формируют важную смысловую часть произведений. Все описанные в романах паралингвистические явления могут быть условно распределены на три группы.

Паралингвизмы с активным голосовым компонентом

Первую группу вербализованных авторами паралингвизмов составили лексические средства отражения голосовых модуляций, или интонации – «сложного комплекса просодических элементов, включающих мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр и логическое ударение, служащего на уровне предложения для выражения как различных синтаксических значений и категорий, так и экспрессивных и эмоциональных коннотаций» [Ахманова, 1966. С. 180–181]. В результате сопоставительного анализа русских и немецких единиц были выявлены некоторые различия.

Во-первых, немецкие авторы использовали графические способы вербализации ряда просодических элементов, например, громкого голоса («*LASS LOS!*», *brüllte ihm Boindil aus Leibeskräften ins Ohr* [Heitz, 2006. S. 132]), логического ударения («*Spürst du meine Macht, Magier?*», *fragte die Göttin mit*

verzerrter Stimme. «*DU wirst dir die Elemente nicht unterwerfen – sie sind mein*» [Felten, 2003. S. 258]), что в проанализированных русских текстах отмечено не было, хотя такие способы и встречаются в других художественных произведениях [Трипольская, 2008]. Ударение – одно из тех просодических явлений, которые хуже всего поддаются вербализации. Тот факт, что немецкие авторы более регулярно фиксируют в своих текстах логическое ударение, позволяет предположить, что голосовые характеристики и их изменения представляют бóльший интерес для писателей-носителей немецкого языка.

Во-вторых, по-разному в количественном отношении представлены описания тембра голосов персонажей. Так, в немецком детективном тексте они составили 48,59 % среди обозначений всех паралингвизмов по сравнению с 8,87 % в русском. При этом для отображения тембровых оттенков немецкий автор К. Berger в значительно большей степени, чем русский, использовал разнообразные лексические конкретизаторы (*scharf* ‘резко’, *lustig* ‘весело’, *gespannt* ‘натянуто’, *hämisch* ‘злобно’, *ungeduldig* ‘нетерпеливо’, *lauern* ‘коварно’, *kläglich* ‘жалобно’, *ernsthaft* ‘серьезно’, *entsetzt* ‘испуганно’, *sachlich* ‘важно’, *sanft* ‘мягко’, *freundlich* ‘дружелюбно’, *geheimnisvoll* ‘загадочно’, *arrogant* ‘надменно’, *hoffnungsvoll* ‘с надеждой’, *ungehalten* ‘раздражённо’, *liebenswert* ‘любезно’ и др.), прямые номинативы в функции определения (*in Staunen* ‘в изумлении’, *ohne Gemütsaufwallung*, *ohne Leidenschaft* ‘бесстрастно’ и др.), а также метафоры (*sagte in einem läppisch väterlichen Ton* ‘сказал глупым отцовским тоном’; *ich hatte Kreide in der Stimme wie ein Wolf aus dem Märchen* ‘у меня скрипел голос, как у волка из сказки’ и др.), описательные конструкции (*Ich bemühte mich um einen Ton, der meinen angeblichen Interessen entsprach* [Berger, 1972. S. 209] – Я постарался говорить тоном, соответствующим моим так называемым интересам), сравнительные обороты («*Sind Sie wirklich von der Zeitung?*» *fragte sie leise, wie nach einer übermenschlichen Anstrengung* [Berger, 1972. S. 167] – «Вы действительно из газеты?», – спросила она так тихо, как будто после нечеловеческих усилий; *Das klang wie die Feststellung eines betrüblichen Tatbestandes* [Berger, 1972. S. 112] – Это прозвучало как утверждение печального факта) и т. д.

В романах-фэнтези, как и в детективах, контексты с характеристиками тембра голосов также преобладают в немецкой картотеке – 21,43 % (ср. в русских – 18,31 %). При этом лексические средства репрезентации тембра более разнообразны в немецких текстах. В частности, отдельную группу в немецкой картотеке составили описания голоса по тому впечатлению, которое он производит на окружающих: *Der Klang seiner Stimme reichte aus, dass sie Schild und Schwert fallen ließ* [Heitz, 2006. S. 408] – Звук голоса было достаточно, чтобы она опустила щит и меч; *Die Blumen im Garten duckten sich unter dem Zorn, der die Stimme der Göttin beherrschte* [Felten, 2003. S. 257–258] – Цветы в саду согнулись под гневом, господствующим в голосе богини; и т. п. В русских текстах такие примеры единичны: *От звука этого голоса в душе зашевелились какие-то нехорошие предчувствия* [Дворецкая, 2006. С. 160].

В-третьих, только в немецком романе-фэнтези встретились описания «акцента» представителей художественных «этносов» – орков, эльфов, гномов и пр., причем автор отметил даже «диалектные» черты: *Ihr Akzent schmerzte ihn, sie sprach zu deutlich und zu betont* [Heitz, 2006. S. 21] – Её акцент причинял ему боль, она говорила слишком чётко и слишком подчеркнуто. Персонажу-орку акцент другого орка «режет ухо».

В целом, немецкие авторы более внимательно прописывают голосовые модуляции своих персонажей, поэтому и много примеров голосовой характеристики. Так, с помощью описаний голоса определяются возраст персонажа («*He, Rothaar, gib auf und ich lasse dir dein Gesicht!*», *zischte die Stimme des Kriegers an seinem Ohr. Es war eine hohe, junge Stimme* [Blazon, 2004. S. 10] – «Эй, Ротаар, сдавайся, и я сохраню тебе твоё лицо!», – прошипел голос воина над его ухом. Это был высокий, молодой голос; «*Fort?*», *fragte eine andere, noch sehr junge Stimme* [Felten, 2003. S. 278] – «Прочь?», – спросил другой, ещё очень молодой голос; «*Kalim?..*», *sagte der König mit einer Stimme, die älter war als alles, was Menschenohren ertragen konnten* [Blazon, 2004. S. 383] – «Калим?», – сказал король голосом, который звучал старше всего того, что могли вынести человеческие уши), его под («*Vilas?*» *Die Stimme schnitt durch den Raum*

und perlte an den Wänden ab. Es war eine Frauenstimme, die Julin gut kannte [Blazon, 2004. S. 331–332] – «Вилас?», – голос прорезал пространство комнаты и отлетел от стен. Это был женский голос, который Юлину был хорошо знаком), принадлежность к определенному художественному «этносу» («Ich werde nicht zulassen, dass du sie störst», sagte die elbenhafte Stimme und fügte ein lähmendes Fauchen hinzu [Heitz, 2006. S. 480] – «Я не допущу, чтобы ты её потревожил», – сказал голос, похожий на голос эльфа, и глухо прошипел), отображается физическое состояние («Julin!», begrüßte Darian ihn erleichtert. «Was gibt es?» Seine Stimme klang viel kräftiger als vor ein paar Tagen [Blazon, 2004. S. 390] – «Юлин!», – с облегчением приветствовал его Дариан. «Что нового?» – Его голос звучал намного сильнее, чем пару дней назад), создается образ курильщика («Lass deine Hände ruhig», befahl sie ihm mit rauchiger Stimme [Heitz, 2006. S. 27] – «Оставь свои руки в покое», – приказала она прокуранным голосом).

В немецких художественных текстах регулярно присутствуют описания попыток персонажей скопировать голос другого: «Ich sehe viele Menschen in Mifurdania», sagte Rodario mit der Fistelstimme eines rechthaberischen Greises und legte eine Hand auf den Arm des Mannes. «Das ist kein Verbrechen, junger Mann» [Heitz, 2006. S. 240] – «Вижу в Мифурдании собралось много людей», – сказал Родарио фальцетом несговорчивой старушки и положил руку на руку мужчины: «Это не преступление, молодой человек». Подобные функциональные описания в текстах русских авторов единичны.

Наконец, в немецких романах преобладают характеристики изменений голосов персонажей. Изменяются темп (*die Stimme wurde schleppend* ‘голос становился медленнее’), громкость (*seine Stimme wurde lauter* ‘его голос становился громче’; *ihre Stimme wurde leiser* ‘её голос становился тише’), тембр (*seine Stimme nahm einen ärgerlichen Klang* ‘в его голосе появилось раздражение’; *Estimas Stimme bekam einen drohenden Unterton* ‘в голосе Эстимы появились угрожающие нотки’), сила голоса (*die Stimme hatte an Macht gewonnen* ‘голос становился властным’; *die Stimme gewann an Stärke* ‘голос стал сильнее’). В русских текстах аналогичные примеры встретились в два раза реже. Указанием на изменение голоса немецкие

писатели передают смену эмоционального и физического состояний персонажей (*Naemy wartete geduldig, bis das Schluchzen leiser wurde und die Tränen versiegeten. Tabor irrte. Sie konnte sehr gut verstehen, wie er sich fühlte* [Felten, 2003. S. 267] – Наэми ждала, пока всхлипывания не стали тише, а слёзы не прекратились. Табор ошибался. Она хорошо могла понять, что он чувствует), подчеркивают доминирующее положение одного из них относительно другого («Enoaes deoloni mastur!» *Die Stimme hatte an Macht gewonnen. Etwas Zwingendes lag darin und obwohl Kiany den Sinn nicht verstand, fühlte sie deutlich, dass ein wichtiges und gewaltiges Ereignis unmittelbar bevorstand* [Felten, 2003. S. 321] – «Эноаес деолони мастур!», – голос становился властным. В нём было что-то требующее, и хотя Киани не поняла смысла, она хорошо почувствовала, что важное и могущественное событие наступило), характеризуют отношение говорящего персонажа к собеседнику и предмету разговора (*Er sah Kiany an, lächelte und seine Stimme wurde wieder sanft. «Aber wo ich auch bin, ich verspreche dir: Ich werde zu dir kommen, wann immer du Hilfe brauchst»* [Felten, 2003. S. 472] – Он посмотрел на Киани, улыбнулся, и его голос стал мягче: «Но где бы я ни был, я обещаю тебе: я приду к тебе, как только тебе понадобится помощь»). Такие описания очень красочны и придают текстам динамичность. В немецких текстах в большем количестве, чем в русских, даны характеристики голосовых признаков с помощью сравнительных оборотов: *Seine Stimme klang, als würden Eidechsen ihre schuppigen Körper aneinanderreiben* [Blazon, 2004. S. 76] – Его голос звучал так, как если бы ящерицы тёрли свои чешуйчатые тела друг о друга; *Das heisere Flüstern des Magiers erinnerte an sprödes Papier* [Felten, 2003. S. 286] – Сиплый шёпот мага напоминал хрупкую бумагу. В других контекстах немецких романов звучание голоса сравнивается с пергаментом, звуком от удара кнутом и др.

Отдельную группу, как в немецкой, так и в русской картотеке с описаниями паралингвизмов составили глаголы речи, выступающие в текстах без сопровождения конкретизаторов. Условно их можно распределить по четырем группам: 1) глаголы говорения, 2) глаголы крика, 3) глаголы шепота; 4) глаголы, характеризующие физиологические и физические изменения / недостатки речи (их соотношение в немецкой

и русской картотеках представлено в таблице, см. ниже).

Количественная представленность глаголов речи в русских и немецких текстах

Глаголы речи, вербализованные в текстах	Количество глаголов	
	в русских текстах	в немецких текстах
Глаголы говорения	278	234
Глаголы крика	127	298
Глаголы шепота	53	192
Глаголы, описывающие физиологические и физические изменения / недостатки речи	2	19
Итого	460 (= 29,6 %) *	743 (= 27 %)

* В процентах приведена доля глаголов речи в общем количестве описаний паралингвизмов в русских и немецких текстах.

Доля подобных наименований в общем количестве зафиксированных паралингвизмов примерно одинакова, но в русских романах преобладают контексты с глаголами говорения, в то время как в немецких текстах предпочтение отдано более эмоциональным глаголам – глаголам крика и шепота, которые представлены в два раза чаще, чем русские единицы. Такие глаголы не просто обозначают речь художественных персонажей, но, характеризуя ее, становятся дополнительным средством в передаче их эмоциональных и физических состояний, помогают ярче представить их образы.

Отличительная особенность немецких текстов – репрезентация широкой глагольной синонимии. Так, на лексему *шептать* в русских романах, в немецких приходится ряд синонимов *flüstern, wispern, raunen, zischeln*; на лексемы *кричать* и *гаркнуть* – *rufen, schreien, trompeten, bellen* и т. д. Из таблицы видно, что особое место в группе глагольных лексем, участвующих в создании голосовых «портретов» персонажей, занимают глаголы, передающие физиологические и физические изменения или недостатки речи. В русских текстах таковые представлены всего двумя наименованиями: «Но ведь ты не хочешь воевать с родной кровью?» – «Н-не хочу», – *запинаясь* ответил Зимобор [Дворецкая, 2006. С. 34]; «Кто отдал подобное распоряжение?» – Полковник *запнулся*, хмуро покосился на «василиска», но все же сказал: «Новый маршал кавалерии. Сеньор де Герошито» [Пехов, 2004. С. 86]. Набор соответствующих немецких глагольных лексем шире – *nuscheln, stammeln, stottern, schnarren*. Если лексемы

stammeln и *stottern* можно назвать неполными эквивалентами русской *запнуться*, то *nuscheln* ‘шепелявить’ и *schnarren* ‘картавить’ описывают не столько эмоциональное состояние персонажей, сколько врожденные дефекты их речи (картавая речь, *schnarren*, например, – особенность злого мага, и неоднократные упоминания о ней усиливают речевой образ этого негативно персонажа).

Звуковые комплексы с пассивным голосовым компонентом

Данные комплексы возникают и принимают активное участие в разного типа физиологических реакциях, способных приобретать в акте коммуникации дополнительные контекстные значения (икота, смех, плач, вздохи, кашель, пощелкивание языком и др., т. е. такие призывы, в которых голосовой компонент представлен, но не несет основного значения). В специальной литературе существуют разные способы обозначения данных паралингвизмов: «атипичные индивидуальные особенности говорения» [Морозов, 1998], «различители» («дифференциаторы») [Royatos, 2002] и др.

В исследуемых нами текстах их описания представлены достаточно широко. Например, описания паралингвизмов «**вздохнуть**» и «**выдохнуть**» представлены во всех русских и немецких текстах и служат для передачи состояния облегчения (*Naemy atmete erleichtert auf – der Quarlin war tot – Наэми облегчённо вздохнула – кварлин был мёртв*), разочарования (*Sayen seufzte enttäuscht – Сайен разочарованно вздохнул*), смирения

(Naemy **seufzte ergeben** und wechselte das Thema – Наэми почитательно вздохнула и сменила тему), **печали** (*bei diesem Anblick seufzte die Frau kummervoll* – в этот момент женщина печально вздохнула; *er seufzte betrübt* – он грустно вздохнул), **попытки собраться с силами** (*Skynom straffte sich, rieb sich kurz über die müden Augen und atmete noch einmal tief durch* – Скином выпрямился, быстро протёр уставшие глаза и ещё раз глубоко вздохнул; *Gandogar atmete schnaufend aus und ballte die Fäuste* – Гандогар тяжело выдохнул и сжал кулаки), **сожаления** (*Er seufzte tief und spürte den Verlust seines Instruments plötzlich beinahe körperlich* – Он глубоко вздохнул и ощутил потерю своего инструмента чуть ли не физически), **беспомощности** (*seufzte hilflos* – вздохнул беспомощно, *seufzte Tabor verzweifelt* – Табор вздохнул в отчаянии), **радости** (*er löste mit Wein und seufzte glücklich* – он отпил вина и счастливо вздохнул) и некоторых других эмоциональных состояний. Интересно, что в ряде случаев немецкими авторами также указывается на место произведения персонажем вдоха или выдоха – *durch die Nase* ‘через нос’, *durch die Zähne* ‘сквозь зубы’, что не свойственно русским писателям. В немецких текстах с помощью описания дыхания может передаваться и физическое состояние персонажей. Например, неглубокое, ровное дыхание создает портрет умирающей: *Sie senkte den Kopf, atmete flacher. Es dauerte nicht mehr lange, und die Dritte würde sterben* [Heitz, 2006. S. 399–400] – Она опустила голову, дышала всё ровнее. Ещё немного, и Третья умрёт.

Для репрезентации паралингвизмов «вздохнуть» и «выдохнуть» в русских и немецких текстах используются: 1) собственно глаголы дыхания («Виконт», – **вздохнул** Рокэ, – «вам ли не помнить, какой сейчас час?» [Камша, 2005. С. 9]; «Ужас какой!» – **выдохнула** она и сглотнула, вспомнив холодные твердые пальцы, с нечеловеческой силой сомкнувшиеся на горле [Дворецкая, 2006. С. 7]; *Sie seufzte*. «Es tut mir leid, dass sie so begonnen hat» [Blazon, 2004. S. 174] – Она вздохнула. «Мне очень жаль, что она так начала»; *Julin atmete auf, als ihm bewusst wurde, dass er sein eigenes Spiegelbild sah* [Blazon, 2004. S. 26] – Юлин вздохнул, когда понял, что он видел своё собственное отражение); 2) глагол дыхания + адверби-

альный конкретизатор (*Поликсена счастливо вздохнула и прижалась щекой к щеке Луиджи* [Камша, 2005. С. 9]; «Ну и хвала Спасителю», – **облегченно выдохнул** ламия [Пехов, 2004. С. 32]; *Von Zeit zu Zeit hielt Haliz an, atmete tief durch und zog ihren Plan heraus* [Blazon, 2004. S. 26] – Время от времени Халиц останавливалась, глубоко вздыхала и доставала план; *Er seufzte glücklich*. «Unglaublich!..» [Heitz, 2006. S. 26] – Он счастливо вздохнул: «Невероятно!..»); 3) адвербиальный конкретизатор + глагол действия + адъективный конкретизатор + воздух / Luft («Прошу прощения», – **Никола шумно втянул воздух**, – «это касается господина Ракана или вас?» [Камша, 2005. С. 297]; *Eine heiße Welle von brüllendem Schmerz raste durch seinen Kiefer. Mühsam japste er nach Luft* [Blazon, 2004. S. 173] – Горячая волна боли пронзила его челюсть. С трудом он хватал воздух ртом; «*Er ist nicht tot*», *sagte er erleichtert und stieß die angehaltene Luft aus* [Heitz, 2006. S. 62] – «Он не умер», – сказал он с облегчением и выдохнул); 4) глагол говорения + адъективный конкретизатор + *вздохом / mit Seufzer* («За что вы на меня накинулись-то, матери мои?» – «А за то», – **с горьким вздохом ответила** Дивина среди молчащих женщин [Дворецкая, 2006. С. 93]; *Mit einem leisen, fast wehmütigen Seufzer trat die Priesterinnenmutter vor das Bild*. «Ein Ort des Friedens und der Freiheit in schrecklichen und grausamen Zeiten» [Felten, 2003. S. 30] – С тихим, почти унылым вздохом жрица-мать предстала перед образом. «Обитель мира и свободы в ужасные и жестокие времена»); 5) *перехватить дыхание / der Atem stockt* («Надеюсь...» – У нее **перехватило дыхание**. – «Надеюсь, ты не убил его?!» [Пехов, 2004. С. 112]; *Julin linste durch den Spalt in der Plane. Der Atem stockte ihm*. Was er vor sich sah, war das wahre Dengar [Blazon, 2004. S. 182] – Юлин посмотрел через щель навеса. У него перехватило дыхание. То, что он увидел перед собой, был настоящий Денгар). Помимо обозначенных способов лексической репрезентации паралингвизмов с семантикой дыхания, в немецких романах были зафиксированы и другие: 1) *den Atem anhalten* ‘затаить дыхание’, 2) *kaum zu atmen wagen* ‘бояться вздохнуть’, 3) глагол говорения + *atemlos* ‘запыхавшийся’, ‘задыхающийся’. Следует отметить контекст, не относящийся ни к одному из описанных выше

типов: *Im nächsten Moment tauchte der Aufprall ihm alle Knochen zusammen und drückte die Luft aus seinem Körper. Ein Japsen entrang sich seiner Kehle* [Blazon, 2004. S. 235] – *В следующий момент удар сковал все его кости и выдавил воздух из тела. Из его горла вырвался крик.* Аналогичных способов построения лексических репрезентантов в русских текстах нет.

Лексические описания паралингвизмов с семантикой «смеха» в немецком детективе сопровождаются указанием на разнообразные оттенки, которые передаются с помощью конкретизаторов (отглагольных прилагательных, наречий, причастий и т. п.). Смех немецких персонажей в текстах характеризуется как *unfroh* ‘невеселый’, *kurz* ‘непродолжительный’, *unnatürlich* ‘неестественный’, *laut* ‘громкий’, *heiser* ‘сиплый’, *falsch* ‘фальшивый’, *lustig* ‘веселый’, *ungeniert* ‘непринужденный’. В русском же детективе из 10 описаний смеха только в двух случаях приводится его характеристика – *горький* и *дружный*. Более разнообразными описания смеха оказываются и в немецких романах-фэнтези по сравнению с русскими произведениями этого жанра: *Helims Lachen zerfiel so schnell wie brennendes Papier* [Blazon, 2004. S. 284] – *Смех Хелима исчез так же быстро, как горящая бумага; Helim lachte, wie eine alte Treppe knarrt* [Blazon, 2004. S. 284] – *Хелим смеялся так, словно трещала старая лестница; Helims Lachen klang wie das Knarren eines Blasebalgs in der Schmiedehütte* [Blazon, 2004. S. 271] – *Смех Хелима был похож на скрежет кузнечных мехов в кузнице* и др. В русских текстах примеры с использованием сравнительных конструкций встретились дважды – *конюх заржал не хуже жеребца; а тот ржал, как мерин* – но такое сравнение обусловлено значением самой лексемы (*за*)ржать.

В немецких текстах присутствуют описания смеха также по тому действию, которое он оказывает на окружающих, что в собранной нами русской картотеке не зафиксировано. Например: *Der Mann lachte so laut, dass die Umstehenden zu ihnen schauten* [Heitz, 2006. S. 70–71] – *Человек смеялся так громко, что окружающие посмотрели на них; «Unser Fürst wird sich sehr über den Esel freuen», lachte der Elb glasklar und so rein, dass es unangenehm für die Zwergenohren wurde* [Heitz, 2006. S. 158] – *«Наш князь очень обрадуется ослу», – эльф*

засмеялся хрустальным звуком и так чисто, что было очень неприятно для ушей гнома. В частности, последний пример интересен также тем, что смех в данном случае выступает признаком, отличающим персонажей друг от друга (эльфов от гномов), – манера смеяться одних *неприятна (unangenehm)* другим (*für die Zwergenohren*).

Отображение продолжительности смеха во времени – особенность немецких романов: *Der Ork blieb regungslos am Boden und lachte. Und lachte und lachte...* [Heitz, 2006. S. 129–130] – *Орк неподвижно лежал на полу и смеялся. И смеялся, и смеялся; Rodario startete sie an, er öffnete den Mund, er stammelte und stotterte, bis ein Lachen aus ihm herausbrach, in das Tassia einstimmte* [Heitz, 2006. S. 112–113] – *Родарио уставился на неё, открыл рот, он заикался и лепетал что-то непонятное, пока, наконец, не разразился смехом, к которому присоединилась и Тассия.* Подобные описания в проанализированных нами русских произведениях также не зафиксированы.

Примеры с репрезентацией «нулевых» паралингвизмов смеха, т. е. описанием отсутствия смеха, встретились в русских и немецких текстах, но представлены они в два раза чаще в немецких: *Es schien sie so viel zu kosten, dass er beinahe gelacht hätte. Übermut wallte durch seine Adern* [Blazon, 2004. S. 253] – *Казалось, ей приходилось прилагать много усилий, так что он чуть не рассмеялся. Озорство бурлило в его крови; Девушки смеялись, женщины качали головами, а Дивина не смеялась и не бранила Гордению. У неё не выходил из ума сегодняшний случай с ножом, после которого внезапное буйство Гордени приобрело новый смысл* [Дворецкая, 2006. С. 52]. Указание на отсутствие смеха или на его (резкое) прекращение в не меньшей степени, чем наличие данного голосового признака, выступает характеризующим атрибутом речи персонажа и является источником дополнительной информации о нем.

Паралингвизмы смеха представлены в текстах русских и немецких романов несколькими способами. Используются: 1) собственно глагол смеха (*Manou kicherte hinter vorgehaltener Hand* [Felten, 2003. S. 52] – *Ману захихикала, прикрываясь рукой; Kianu lachte* [Felten, 2003. S. 70] – *Киани засмеялась; Девушки, давно не видевшие чужих, смущались и хихикали, но исправно хлопали по рукам,*

лезущим куда не надо [Дворецкая, 2006. С. 51]; «Если найдешь его, не забудь пригласить меня. Я хочу посмотреть на ваш разговор». – «Всенепреренно», – **хохотнул** Фернан, знающий, что Шейр больше предпочитает не смотреть, а участвовать в «разговорах» подобного рода [Пехов, 2004. С. 32]); 2) глагол смеха + адвербиальный конкретизатор (*Er lachte höhnisch, als sie den Saal verließen* [Heitz, 2006. S. 633] – Он злорадно расхохотался, как только они покинули зал; Моряк замер, выпучив глаза, а потом **неустово заржал** [Камша, 2005. С. 45]); 3) адъективный конкретизатор + номинатив со значением ‘смех’ + глагол действия (*Haliz’ spöttisches Lachen glitt über die glatten Magranwände. «Glaubst du daran, Julin?»* [Blazon, 2004. S. 54] – **Насмешливый смех** Халиц прокатился по гладким маграновым стенам. «Ты в это веришь, Юлин?»; **Впереди раздался шаловливый смех**, и с террасы сбежали ещё три девушки. Цветные шали делали их похожими на бабочек [Камша, 2005. С. 45]); 4) глагол действия + адъективный конкретизатор + смехом / *Lachen* (*Page lachte ein zahnloses Lachen und warf die winzigen Spielmenschen auf den Tisch* [Blazon, 2004. S. 54] – **Паж рассмеялся беззубым смехом** и кинул крохотных игровых человечков на стол; **Посол отреагировал на маленькое представление талантливого балаганика оглушительным хохотом** [Пехов, 2004. С. 191]). Кроме того, в немецких текстах зафиксированы примеры с описаниями, построенными по следующему типу: модальный глагол + глагол смеха (*Dann musste er lachen. Arp war wirklich ein Junge aus Runa. Hier schenkte man nichts, man handelte* [Blazon, 2004. S. 407] – Тут ему пришлось рассмеяться. Арп действительно был родом из Руна. Здесь ничего не дарят, здесь торгуются). На русский такие репрезентанты можно перевести как «ему пришлось рассмеяться» / «он был вынужден рассмеяться», что характеризует смех как вынужденную реакцию на услышанное или увиденное, а потому имплицитно указывает на его невеселый, неискренний характер.

Другой тип голосового призвука – это **кашель (покашливание)**¹. Количество

¹ Кашель в данном случае рассматривается не как признак нездорового физического состояния, а как дополнительный голосовой призвук, обусловленный волнением, чувством дискомфорта или желанием выиграть время.

примеров с описанием кашля (покашливания) в немецких текстах регулярно превышает их количество в русских – как в романах-фэнтези, так и в детективах (в последних они не зафиксированы вообще). Указанием на кашель в текстах устанавливаются постоянные и переменные качества и черты характера исполнителя данного призвука, что в некоторых случаях даже поясняется самим рассказчиком. Например: «Wo zu?» *Methar räusperte sich verlegen. Er wusste genau, worum es ging, versuchte jedoch, noch etwas Zeit zu gewinnen* [Felten, 2003. S. 219] – «Зачем?», – **Метар смущённо откашлялся. Он точно знал, о чём шла речь, однако пытался выиграть ещё немного времени.** Покашливание – один из способов выиграть время, за которое персонаж успевает подготовиться к разговору.

Отражение вербальными средствами паралингвистической единицы «кашель» строится в романах несколькими способами. Первый – глагол кашля в сочетании с адвербиальным конкретизатором: *Старуха досадливо закашлялась* [Дворецкая, 2006. С. 134]; *Kiany hustete verlegen und beeilte sich, es Banor gleichzutun* [Felten, 2003. S. 30] – **Киани смущённо откашлялся и поспешил последовать примеру Банора.** Данный тип описаний в русском тексте представлен только единожды, в то время как в немецком такой способ встречается регулярно на страницах всех четырех романов. Второй тип представлен собственно глаголами кашля, а именно: *Марсель тронул струны, с умным видом склонил голову к плечу, откашлялся* [Камша, 2005. С. 125]; *Er musste sich räuspern, um seine Frage herauszubringen. «Kennst du mich Owidiju?»* [Blazon, 2004. S. 224] – **Ему пришлось откашляться, прежде чем суметь выговорить свой вопрос. «Ты меня знаешь, Овидию?».** Примеры с аналогичными по структуре репрезентантами в русских текстах единичны. Для обозначения кашля немецкими авторами используются более разнообразные глагольные лексемы: так, если в русских романах это глаголы *кашлянуть* и *откашляться*, то в немецких – это *sich räuspern*, *husten*, *hüsteln*, *keuchen*, выступающие в текстах полными и неполными синонимами.

Анализ картотеки позволил установить также неравное соотношение количества описаний паралингвизма «**цокнуть языком**» («mit der Zunge schnalzen») в русских

и немецких детективах и романах-фэнтези. В русских романах-фэнтези этот пример единичен, в то время как в немецких текстах встретилось 9 употреблений. При этом способы лексического описания данного паралингвистического явления варьируются: *schmalzen* 'щелкать', *schmalzen mit der Zunge* 'щёлкать языком', *schmalzen ungehalten mit der Zunge* 'недовольно щелкать языком', что можно расценивать как признак того, что автор придает данному явлению особую значимость.

Лексические описания паралингвизма «свистеть» представлены в русских текстах двумя способами: собственно глагол свиста (*присвистнуть*, *свистнуть*) и глагол свиста + адвербиальный конкретизатор (*восхищённо присвистнул*) (второй способ представлен лишь одним примером). В немецких текстах описание данного паралингвистического явления, помимо названных выше, строится и другими способами, а именно: 1) глагол действия + *Pfiff*: *Fenja stieß einen anerkennenden Pfiff aus* [Blazon, 2004. S. 328] – *Феня издала одобрительный свист*; *Sie <...> schob sich Daumen und Zeigefinger in den Mund und ließ einen gellenden Pfiff ertönen* [Heitz, 2006. S. 236] – *Она положила в рот большой и указательный пальцы и издала пронзительный свист*; 2) глагол действия + *mit Pfiff*: *Mit einem leisen Pfiff schickte Julin die Flamme den gewundenen Höhlengang hinunter* [Blazon, 2004. S. 174] – *Тихим свистом Юлин отправил огонь в извилистую пещеру*. В немецких текстах в некоторых случаях отмечается не только характер свиста (например, *anerkennend* 'одобрительный', *leise* 'тихий'), но и место его образования – *durch die Zähne* ('сквозь зубы'), что не характерно для русских.

Паузы хезитации, молчание

Третий тип паралингвизмов составляют молчание и паузирование, для репрезентации которых в текстах используются: 1) собственно глагол молчания (*Julin kniff die Lippen zusammen und schwieg*. *Die Überheblichkeit der Händlerin ärgerte ihn* [Blazon, 2004. S. 34] – *Юлин сжал губы и промолчал*. *Заносчивость торговки злила его*; *Карваль, небывалое дело, промолчал, и Робер понял:*

борец за свободную Эпинэ несказанно рад, что может не смотреть на казнь [Камша, 2005. С. 343]); 2) отглагольное наречие (*Маршал молча опустил в кресло* [Камша, 2005. С. 147]; *Schweigend setzte sie sich auf die efeubewachsene Bank und wartete reglos* [Felten, 2003. S. 34] – *Молча она опустилась на заросшую плющом скамейку и стала ждать неподвижно*); 3) глагол молчания + адвербиальный конкретизатор (*Er schwieg missmutig und betrachtete verstohlen die Händler und ihre Gehilfen* [Blazon, 2004. S. 132] – *Она недовольно молчала и украдкой рассматривала торговку и её помощников*; *Король глубокомысленно молчал, вбирая ноздрями воздух* [Камша, 2005. С. 237]); 4) адъективный конкретизатор + *молчание / пауза / Schweigen / Pause* + глагол действия: *Das kurze Schweigen lastete im Gang* [Blazon, 2004. S. 328] – *Короткое молчание повисло в проходе*; *Betretenes Schweigen breitete sich aus* [Felten, 2003. S. 335] – *Смущённое молчание распространилось*; *Минутное молчание, говорящее им куда больше всяких слов* [Пехов, 2004. С. 40] – подобные описания в русских текстах представлены всего двумя примерами, в то время как в немецких романах такой способ репрезентации встречается регулярно; к тому же, как показал анализ, лексическое наполнение данного типа в немецких текстах более разнообразно); 5) адъективный конкретизатор + *молчание / пауза / Schweigen / Pause* (*Niemand antwortete ihm, doch das betretene Schweigen der Riesenalpe ließ keinen Zweifel daran, dass es so war* [Felten, 2003. S. 207] – *Ему никто не ответил, но озадаченное молчание ризенальпа не оставляло сомнений в том, что это было именно так*; «Нет», – *после долгой паузы ответил Фернан* [Пехов, 2004. С. 138–139]); 6) *не сказать ничего / не ответить* (*Tabor antwortete nicht, doch sein flackernder Blick verriet, wie verzweifelt er war* [Felten, 2003. S. 268] – *Табор не ответил, но его горящий взгляд выдавал, насколько сильно он был озадачен*; *Сеньор де Суоза оправдал ожидания своего начальника – он ничего не сказал, лишь откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди* [Пехов, 2004. С. 38]). Лексическая репрезентация молчания и паузирования представлена как в русских, так и в немецких романах. Как дополнительный в немецких текстах встречаем такой способ (в русских он отсутствует): глагол + адъективный конкретизатор +

пауза / Pause (Sie machte eine kurze Pause [Felten, 2003. S. 30] – Она сделала непродолжительную паузу; Er seufzte und gönnte sich eine kurze Atempause, bevor er weiter sprach [Felten, 2003. S. 332] – Он вздохнул и сделал небольшую паузу, прежде чем продолжить говорить). В немецких текстах отмечаем также большее разнообразие лексем, привлекаемых для репрезентации молчания и паузирования: наряду с лексемами *пауза (Pause)* и *молчание (Schweigen)* автор использует номинатив *тишина (Stille)* – *Betretene Stille senkte sich über den Tisch [Blazon, 2004. S. 398] – Озадаченная тишина повисла над столом; Er ging. Zurück blieb eine unheilvolle, drückende Stille, die nicht weichen wollte [Heitz, 2006. S. 375] – Он ушёл. Осталась лишь роковая, давящая тишина, которая даже и не думала отступить.* Лишь в немецких текстах были зафиксированы наречия-конкретизаторы, передающие состояния неговорения – *stumm* ‘молча’, *wortlos* ‘безмолвно’, *schweigsam* ‘молчаливо’.

Итак, выявление типов лексической репрезентации паралингвизмов позволило установить, что авторы немецких романов используют более разнообразные способы описания одного и того же паралингвистического явления – это касается как паралингвизмов с активным голосовым компонентом, так и разнообразных дополнительных голосовых призвуков, а также паузирования и молчания. Более разнообразными являются и наборы собственно лексических средств и конкретизаторов, употребленных немецкими авторами. В частности, варьируются способы вербализации дополнительных голосовых призвуков с семантикой дыхания: если в русских романах чаще встречаются односложные глагольные лексемы (иногда в сопровождении адвербиальных конкретизаторов *глубоко, устало, горестно, сокрушённо* и др.) то в немецких текстах указывается на место произведения вдоха или выдоха (*durch die Zähne*), описывается скорость дыхания и его изменение во времени (*sein Atem ging kurz und stoßweise – его дыхание становилось коротким и прерывистым; der Atem des Magiers ging schnell – дыхание мага становилось чаще*).

Каждый из элементов соматики в определенных коммуникативных условиях приобретает особое значение, и отбор писателями способов репрезентации паралингвизмов в

текстах отражает их принадлежность к той или иной коммуникативной культуре. Исследование показало, что немецкие писатели, полностью изобретающие художественные миры в своих романах, более внимательны к репрезентации паралингвистических единиц. Если параязыковые средства в русских текстах изображают и описывают, то в немецких, как правило, выражают экспрессию, эмоции, оценку. Этим объясняется большее разнообразие типов лексической репрезентации изменений голосового качества с указанием конкретизирующих его значений.

Полагаем, что широкая представленность описаний паралингвизмов в немецких художественных текстах объясняется стремлением немецкой коммуникативной культуры к менее экспрессивным способам выражения эмоций. Немецкие персонажи, даже самые фантастические, не так активно жестикулируют, как русские [Голованова, 2005; 2006], и поэтому их эмоции чаще отображаются писателями, принадлежащими к более сдержанной, чем русская, коммуникативной культуре, через детальные голосовые характеристики.

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 606 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеведческих тактик и сапиентемы. М., 2005. 1040 с.

Голованова И. А. Отражение жестикуляции и личных коммуникативных зон в художественном тексте (на материале русских и немецких детективов) // Материалы XLIII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. Новосибирск, 2005. С. 60–63.

Голованова И. А. Интерпретация поведения литературных персонажей в рамках теории невербальной семиотики // Вестн. Новосиб. гос. ун-т. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 2. С. 86–95.

Морозов В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / Ин-т психологии РАН. М., 1998. 164 с.

Трипольская Т. А. Выделенное слово в лексической организации художественного текста // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: Сб. ст. в честь профессора Т. А. Колосовой. Новосибирск, 2008. С. 340–349.

Poyatos F. Nonverbal Communication across Disciplines // John Benjamins B. V. 2002. Vol. 2. 458 p.

Список источников

Дворецкая Е. Золотой сокол. Лес на той стороне. СПб.: Изд-во «Крылов», 2006. 416 с.

Камша В. Лик победы. Отблески этерны. М.: ЭКСМО, 2005. 752 с.

Пехов А. Под знаком манतिकоры. М.: АРМАДА, 2004. 484 с.

Berger K. H. Wein für ehrenwerte Männer. Berlin: Das Neue Berlin, 1972. 1. Auflage. 264 s.

Blazon N. Im Labyrinth der alten Könige. Carlsen Verlag, 2004. 411 s.

Felten M. Die Macht des Elfenfeuers. Piper, 2003. 476 s.

Heitz M. Die Rache der Zwerge. Piper, 2005. 640 s.

Материал поступил в редколлегию 16.02.2009

I. A. Golovanova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF REPRESENTATIVES OF SOME TYPES OF PARALINGUISMS (ON THE BASIS OF RUSSIAN AND GERMAN FICTION NOVELS)

The paper presents the results of context and lexico-grammatical analyses of the representatives of paralinguistics used by authors to describe nonverbal behavior of characters. Research was carried out in a comparative aspect on the basis of detective and fantasy novels of modern Russian and German authors.

Keywords: nonverbal communication, kinema, paralinguism, comparative analysis, linguoculturology, intercultural communication.